

ТРАСЯНКА

Минская поликлиника рано утром. В коридоре столпотворение. Сдают анализы. Взрослые и дети. Молодая мама (симпатичная!) тащит за руку мальчика, спрашивает: "Кто паследни?" Искомый — не отзывается, видимо, не слышит в толчее. Кто-то советует: "Грамчэй, жэншчына!" — "Кто паследни?!" — "Я!" — "Так пачаму вы малчыте, мушчына?" — зло спрашивает симпатичная, превращаясь в стерву. "Не слыхав, мачу насил." — "Вовочка, стань у очарадзь! — остервенело, не по-матерински рвет она за руку сына. — Я бутылочку атнесу." Понесла. Мальчик секунду постоял, пошел вслед. "Хто паследни, людцы?!" — спрашивает старушка. "Тут рабъёнак стаяв." — "А гдзе он?" — "Побег за маткой. Они за этим во мушчыной стояли. Он тут усё врэмья." — "Цятрадзь нада, — говорит мужчина, — записвать намера, тада народ не пацяраецца." — "Гдзе мой рабъёнак?!" — кричит молодая, отнесшая мочу. "Када вы отошли, побежал за вами." Она уходит искать Вовочку. Находит. Громко выговаривает: "Пацяраем очарадзь — не поедешь до бабки в дзярэвню!" — "Хочу в дзярэвню! — хнычет мальчик. — В дзярэвню-у-у!" — "Не дури мне галаву, гадасць!.."

ГАВАРЫТ НАРОД. Говорит стар и млад, выбрасывая в атмосферу звуковой диссонанс, лексический мусор, душевный разлад, органичное бескультурье. Разговорный белорусский язык — тест на экологическое бедствие, в результате которого в человеке происходит разрушение гармонии. Увы, человек этого не замечает. Чтобы определить степень самоотравления нации, не надо брать на анализ кровь и мочу, достаточно послушать ТРАСЯНКУ.

Трасянка. Так называют зимний корм для домашнего скота. Когда у хозяина не хватает сена, он добавляет солому. Сено и солома тщательно растрясаются, перемешиваются. Корова не замечает пустой соломы и съедает всю *трасянку*. Молока от такого корма не много, однако корова недохнет, дотягивает до пастбища.

Белорусская *трасянка* точно обозначает лексическое явление — вульгарное смешение белорусского и русского языков. Русские слова

произносятся по-белорусски. В поликлинике мы слышали жуткую речевую *трясянку*. В буквальном переводе на русский — *трясянка*. Однако в обиходе с конца восьмидесятых закрепилась модернизированная русская транскрипция: ТРОСЯНКА. Новое понятие — новое слово.

Что же по сути есть троянка? Это не диалект. Этнографические и фонетические диалектизмы, подкрашивающие белорусский язык на западе, на востоке и в центре страны, функционируют в своих зонах. Троянка — общенациональна, как береза и сосна. Что такое западнополесская *шыбода* (*ігліца*, опавшая хвоя), на могилевщине не знают. Зато от Бреста до Хотимска знают, что такое *прадсядацель* либо *утраннік*. Русизмы у нас — не единичные заимствования из других языков (этот процесс идет по всему миру), а всенародный речевой поток.

Троянка — не узкопрофессиональный жаргон, понятный лишь определенному кругу лиц. Троянка — не сленг, использующий эмоционально окрашенную, “передернутую” лексику, что обычно нравится молодым. Троянку нельзя назвать и просторечием, ибо *вніманне*, *прадлагаць*, *савраменны*, *таска*, *хазяйка* белорусы взяли из культурных пластов. Русских. Не увидели пластов собственных, а в них — *увага*, *прапановаць*, *сучасны*, *сум*, *гаспадыня*.

Лексика — не механический набор слов, а действительность, отраженная словами. Когда я слышу кромсающее душу *дзярэўня*, я вижу покосившуюся хату в бурьяне до крыши, вижу колхозных телят в навозной жиже до пуза, вижу сгорбленную старуху в рваной фуфайке и черных самодельных галошах на босу ногу, вижу разбитую непроезжую дорогу на неогороженное *дзеравенскае* кладбище...

Мне верится, что если бы я услышал белорусское *вёска* (*сяло*), то и действительность, отраженная в красивом благозвучном светлом слове, была бы не столь беспросветной и безрадостной. Мне кажется, что *дзярэўня* тяжелым психологическим обухом бьет по голове троянкоговорящего белоруса, и он становится неспособным понять реальную картину, привыкает к ухудшению качества социально-экологической среды обитания, позволяет бесконечные издевательства над собой.

В лексике срачиваются окружающая человека действительность и его личностные качества. Площадный мат безошибочно указывает, что перед нами асоциальный тип, обитающий, мягко говоря, в специфических условиях. Вы можете мне напомнить, что ругаются все: образованные и не очень, мужчины и женщины. Не напоминайте, знаю. И сам могу ругнуться то ли в душе, то ли в сердцах.

Единичное матерное слово как мгновенная и верная психологическая разрядка естественно для нашего менталитета, для нашей культуры. Мат как речь все же коробит наш слух, свидетельствует о том, что у матоговорящего не в порядке с психикой и культурой. Так же, как у троянкоговорящего.

Я имел возможность много лет наблюдать, как в человеке взаимодействуют троянка, психика, культура. Чтобы не оскорбить этого человека, женщину восьмидесятипяти лет, обозначу ее ТТ. Она выросла в деревушке, расположенной в Дрибинской этно-лингвистической зоне, где троянка повальна и где даже Могилев называют *Мукулёў*. Из своей деревни она ушла в пятнадцать лет -- сначала в стоматологический техникум, затем в медицинский институт. Ушла навсегда. Работала заведующей поселковой больницей далеко от родных мест, на пенсию вышла в шестьдесят лет в чине участкового терапевта минской поликлиники. Она была хорошим доктором, сердобольным и квалифицированным.

На службе, в семье, в быту, подчиняясь белорусской "традиции", ТТ использовала русский язык, говорила грамотно, почти без акцента. На рубеже шестидесятилетия в ее речь стала врывать дрибинская троянка. Сегодня превратилось в *сяннi*, рецепт – в *рацэпт*.. Лексические нововведения ТТ заметили коллеги по работе, близкие. Сначала удивились, затем свыклись. Чему удивляться, если в коридоре поликлиники так разговаривает *очарадзь*!

Кроме троянки, ТТ вернула в свою жизнь столовую ложку, отбросив вилку и нож. Ложкой она умудряется пользоваться и суп, и котлету, и упругую сосиску, и скользкий огурец... Ложкой как универсальным столовым прибором пользовались в ее далеком детстве, когда спали без простыни, а в туалет ходили до ветру.

Но это далеко не все перемены в жизни ТТ. Домашние стали замечать ее забывчивость, нетерпимость, грубость, слезливость... В семье начались

межличностные конфликты, которых раньше не возникало и причиной которых, как нетрудно догадаться, стали возрастные изменения ТТ, а проще говоря — старческий маразм.

Никто не застрахован от старости и ее проблем. Упаси боже от маразма и друга долгожителей — альцгеймера. Пойми боже, что я не издеваюсь над престарелой женщиной, а жалею ее, как жалеют ее друзья и дети. Клянусь, не смеюсь я над ложкой в ее нетвердых руках.

Я удивляюсь, каким образом ТТ, иногда забывающая куда шла по квартире, на балкон либо на кухню, как она, такая беспамятливая, вспомнила все до единого словечки из непотребной на протяжении жизни троянки, вспомнила и звуки, и характерные речевые интонации, и жесты, и ужимки, и смешки родной *мугулёўчынь!*

Что же произошло с ТТ?

Произошло следующее. Под воздействием старческих изменений отступили приобретенные за долгую жизнь культурные и цивилизационные навыки, которые препятствовали возвращению ТТ к ложке и троянке. В человеке присутствуют все его возрасты с их обретениями, поведенческими нюансами. Особенно неистребимо детство.

Когда из психо-физиологической божьей конструкции по имени ТТ ушла приобретенная культура — ее место заняла троянка и прочие атрибуты той народной культуры, которую ТТ выпитала от рождения.

О народной культуре и ее значении можно говорить бесконечно. Можно доболтаться до абсурда: *троянка* — культурное достояние белорусского народа и непозволительно попикивать ею белорусов. Так говорили мне те, кто любит белорусов бесконечнее, нежели я. А я клоню сейчас разговор не к любви — к троянке.

Говорить на троянке — не культурно.

Белорусский язык называют испорченным русским. Диалоги в поликлинике дают основания для подобного вывода. Коль язык ненастоящий, следовательно, он — зеркальное отражение ненастоящей действительности. Не Беларусь перед нами, а российский Северо-Западный край, где из-за биологических особенностей артикуляционного аппарата аборигенов звучит

русский диалект. Как только Вовочка из очереди научится говорить *деревня*, он станет вполне русским и по произношению, и по мироощущению.

Современный белорусский сформировался к 16 веку. Его самодостаточности, независимости от соседей-родственников — польского и русского — способствовали общность основного словаря, фонетическое единство, появление литературного аналога. Решающее значение имело то обстоятельство, что язык формировался в рамках белорусской государственности, хотя и не полностью возведенных.

В 17-18 веках самостоятельность ВКЛ была в значительной степени утрачена, на территории исторической Беларуси усилилось влияние Польши. Действительность отражалась в языке, как в зеркале. Белорусский литературный сделался малоупотребительным. В белорусский устный хлынули полонизмы. Давление Польши на Беларусь не было тоталитарным, белорусы имели возможность для выбора, лавирования, этнического развития. Полонизмы не искалечили национальный язык, одни были им переработаны и усвоены, другие отброшены как неблагозвучные.

В конце 18 века Беларусь включена в состав России как колонизованная провинция. В том времени — истоки нынешней тросянки, которую белорусы принесли и в 21 век. Я почитал анонимную белорусскую литературу 18-19 веков — и будто очутился в современной толпе, сдающей анализы на белоруса. Послушайте, если выдержите: *пацяралі, кажды, ачкі, драка, спрасіў, ішчуць, празнік, паздраўляю, ізвіні, лучшы, жалка, нянасце, вор, шчытаць, ташчыць...*

Анонимная литература широко использует устную народную речь, однако авторы стремятся к литературному языку. То, что мы теперь называем тросянка, они считали языковой нормой. С началом широкомасштабной русификации тросянка обрела письменный эквивалент. Надо полагать, неизвестные авторы в силу своей несомненной даровитости и национального самосознания повально не тащили на бумагу слышанные ими русизмы, а делали отбор, приспособляли к фонетике и ритмике национальной речи. И все равно ощущается засилие тросянки. Можно представить, какая тарабарщина звучала на улицах городов и местечек Беларуси недавних веков!

Статьи неравнодушных ученых и публицистов 19 века наполнены плачем об уходящей белорусской речи. Чужеродная лексика изменяла народную душу.

Губы, нёбо, язык, гортань белорусов производили троянку. Но душа испытывала перегрузки, ибо освоение неродного языка — психологический акт, нажитый язык остается в душе вечным раздражителем. Исследователи отмечали, что народ начал петь немелодичные песни. Больше стало песен кабацких, лагерных, сибирских.

Языковому игу невольно подчинялись гении Беларуси. Их творческий опыт подтверждает хронологическую последовательность, нарастание вала русификации. В произведениях Франтишка Богусевича, который пришел в белорусскую литературу во второй половине 19-го века, встречается немало полонизмов, зато троянки намного меньше, чем у Максима Богдановича, созревшего до выдающегося поэта к началу века 20-го. Последний обнаружил в белорусском письменном языке графическую путаницу, отсутствие единых грамматических норм. Богданович изучал белорусский вдали от родины по сборникам народных песен, оные же изобиловали троянкой. Она как заноза внедрялась в стихи. Мне больно, когда встречаю у Богдановича: *паняць, паля, страхне, страка, гарашчы, кожа, вараціца, ждалі...*

Взаимопроникновение языков — общечеловеческий процесс. В итоге народы лучше понимают друг друга, обогащают словарный запас. Тем более это свойственно близким языкам. В Украине, например, русский тоже активно проникает в украинский, в восточных областях украинцы в устной речи пользуются СУРЖИКОМ. Так не без иронии называют мешанину из русских и украинских слов.

Суржик характерен для малообразованных слоев, троянка — общенародна. Суржик представляет собой вкрапления русского языка в украинский, что, как ни странно, украшает речь, делает ее индивидуальной. Особенность суржика в том, что он допускает обратный процесс: украинский проникает в русский. Говоря по-русски, украинцы пользуются родным словом, помогающим выразить мысль. И вставляют его в русскую речь, подчеркивая характерный украинский прононс (так, незабываемо и по-своему красиво, говорят одесситы). Не происходит фонетического убиения близкородственных языков, оба сохраняют чистоту, красоту. Не рождается

тросянка, этот гибрид, пожирающий и белорусский, и русский. Этот урод, вскормленный молоком матери.

Если тросянкой наполнено материнское молоко, если тросянка звучала над колыбелью, если тросянка сопровождала детские игры, если на тросянке признались в любви, если по-тросянке общаются с Богом, — то кто же она, тросянка? Если она урод, то все, зачатые от нее, тоже уроды? Если она криница — те, кто напился, отравлены? Если она поле — колосья пусты? Если она небо — не хочется крыльев? Если она Беларусь — уже нет Беларуси?

Все проще. Тросянка — РЕЧЬ, один из видов коммуникативной деятельности человека, средство общения. Потеряв эстетические функции, она не потеряла прикладных. Тросянка — инструмент для выражения мыслей и намерений. Сделавшись врожденной, тросянка сделалась естественной. Неискоренимой.

Киевский школьник говорит в семье и на улице или на чистом украинском или на чистом русском (большинство знают оба), минский школьник часто говорит на тросянке. Украинские начальники чувствуют, в какой аудитории сказать по-украински, в какой — по-русски. Белорусские начальники говорят на тросянке как только отрываются от написанного русского текста и переходят на экспромт, выдающий бескультурье.

Современное белорусское госначальство (за редким исключением) плоть от плоти белорусского народа. Выпускники сельхозинститутов, получившие в знак благонадежности диплом партшколы (ныне — президентской академии). При назначении газеты печатают их биографии. У иных три высших образования! Да кандидатская степень!

Мне как "союзному" журналисту приходилось бывать в высоких кабинетах. Московские начальники самоуверенны, афористичны, мысль излагают точнее некуда. На них похожи казахстанские, хотя эти более высокомерны и, натурально, в их грамотной русской речи проскакивает национальный акцент (акцент, дикция — не признаки тросянки). Грузины за руководящим столом молчаливы, надменны, в настоящих грузин они перевоплощаются за столом хлебосольным, когда в персональных тостах

становятся щедрыми веселыми подхалимами. Украинские начальники не слишком обязательные, могут пообещать и забыть; когда с ними общаешься, получаешь наслаждение от свойского поведения и местных идиом, ловко вставленных в нарочитый суржик. Белорусские начальники заторможены, говорят исключительно по-русски, их речь состоит из громоздких периодов, где падежи и окончания не согласованы, а предложения логически не завершены. Так изъясняются на плохо выученном иностранном, отчего порождают у себя чувство неполноценности.

На моем журналистском магнитофоне есть исторический документ — выступление Председателя Президиума Верховного Совета БССР Николая Дементя по телевидению после митинга Белорусского народного фронта в Минске 25 февраля 1990 года. Дословно:

“Выходя сегодня на митинг, и то, что было согласие, так сказать, со стороны горсовета, областного исполкома, ну, и с ведома, скажем, правительства нашего, и в столь ответственное время, была большая надежда, что мы за это время, за время, так сказать, подготовки избирательного закона, отработки некоторых законов, связанных с белорусским языком, и выработкой государственной программы по Чернобылю, как-то, так сказать, уже искали подходы взаимодействия, согласия и большой, скажем так, политики, которая должна проводиться в нашей республике. И я надежду чисто питал, что вот здесь, после того как пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза принял программу, у которой говорилось, что представляется право на существование различного рода общественных организаций, неформальных организаций, вплоть до партий! — я думал, что вот здесь вот будут лучшие силы, лучшие умы и проявлены, покажут именно заботу о белорусском народе, все, что нас сегодня не удовлетворяет, как его разрешить, и в области экономики, и в области политики, и в области нравственных отношений, я на это надеялся. Но то, что сегодня происходило с точки зрения организаторов этого митинга, это говорит, что никакого продвижения вперед, никакой заботы сегодня о человеке, о его нормальной жизни у организаторов митинга пока нет. Как бы они ни обижались, как бы они меня сегодня там еще раз ни критиковали, я слушал: товарищи дорогие! Вы тянете развитие вспять,

вы тянете к репрессиям, вы тянете к насилию. И еще, учитывая, что звучание такое было! Не потому, что я собираюсь защищать свою фамилию, которая сегодня там называлась об отставке. Все люди нашей Белоруссии знают, где и сколько я работал. И работаю. Из тридцати семи лет, которые мне пришлось поработать, я шесть месяцев нахожусь в Президиуме Верховного Совета Белорусской ССР, за что выражаю благодарность и народу, и депутатам нашим, которые меня избрали на сессии...”

Николай Дементей был высшим руководителем Беларуси, его должность приравнивается к нынешней президентской. Председателя Президиума ВС в обиходе для краткости так и называли: президент. Публичные речи Н.Дементей, произнесенные без шпаргалки, считались уникальными, в чем вы убедились из представленного образца. Но уникальность не всегда типичность.

Продолжу цитировать больших белорусских начальников. Рядом с Дементеем на той экстренной телепередаче сидел секретарь Центрального Комитета ЦК КПБ по идеологии Валерий Печенников. Его речь тоже зафиксировал на века мой бесстрастный помощник — магнитофон:

“Ну-у... Товарищи, которые в общем-то ставили там вопрос, значит, в том, чтобы, значит, освободить средства массовой информации от партийного контроля, они недопонимают. Любой человек, который, так сказать, интересуется этим вопросом, он знает, что, во-первых, каждая партия, комсомол, а сейчас пошла у нас “Праца”, профсоюзы, общественные организации имеют свои средства массовой информации. В этих средствах массовой информации работают редакционные коллегии, которые несут полную ответственность, так сказать, за содержание, за то, что там публикуется. Сейчас принято решение о том, чтобы расширить редакционные коллегии, включить туда и рабочих, и интеллигенцию, и научных работников, то есть, не дожидаясь закона о печати, которого мы ждем, решить. И здесь я не вижу вопроса, чтобы его поднимать на митинге. Здесь все ясно”.

С идеологом — ясно. Локоть к локтю с ним сидел законник. Попытаемся из его слов уловить, что он за человек, что хочет, что от него можно ждать. Говорит первый заместитель прокурора БССР В.Кондратьев (у меня не зафиксировано его имя, а искать по старым справочникам не хочется). Слушайте прокурора:

“Когда мы решали вопрос о проведении этого митинга, то, значит, народный фронт “Отрожение” просили провести митинг по вопросу, значит, протест против нарушения законодательства о выборах. Ясно, четко. И на эту тему должен идти разговор. И когда мы сегодня послушали, что в обращении что же тут написано, то оказывается, что, во-первых, обсудили общественно-политическую ситуацию в республике. Слушайте, так зачем же тогда было заводить в заблуждение? Это подход не совсем чистоплотный наших товарищей, которые обращались о проведении этого митинга. Дальше. Речь идет: почему не зарегистрирован народный фронт? Мы насчитали свыше десяти пунктов нарушения конституции. Они до сих пор не исправили. Начинают оскорблять. Грубейшим образом! Унижать честь и достоинство этого депутата. По всем этим допущенным нарушениям прокуратурой будут возбуждены уголовные дела. Будет доказано, что он прав, -- значит, не будет привлекаться. Но если эти лица виновны, если эти оскорбления, унижающие честь и достоинство нашего сегодня гражданина, кандидата в депутаты, порочат, и незаслуженно все это делается, -- я вам скажу, пощады здесь в этом вопросе не будет! С точки зрения закона!”

Достаточно для типизации чисто белорусского явления!

Выступления высокопоставленных “товарищей” по телевидению лучше всяких противоправных действий унижают их честь и достоинство, а также честь и достоинство народа, породившего этих “товарищей” и вынужденного им подчиняться.

Подобные речи, типичные для наших больших начальников, давно должны изучать лингвисты, психологи, философы, логопеды, терапевты, хирурги, проктологи, чтобы вывести общую закономерность, по которой только что выступившие встали над нами. Одну гипотезу я готов выдвинуть: “товарищи” есть производное от всенародной троянки, так сказать, высшая форма ее эволюции.

Что дальше? К чему приведет всех нас эта эволюция?

Один раз (уже в новейшее время, президентское) редакция поручила мне выяснить, как Беларусь намерена обменивать картофель на казахстанское зерно. Заместитель председателя Совмина, увидев магнитофон, начал

отказываться от запланированного интервью. Уговорил его, как мальчишку. Когда он рассказывал о деле, губы его дрожали от волнения, лицо покрылось каплями пота, язык заплетался, как у пьяного.

Дома я расшифровал магнитограмму. Пятнадцатиминутный рассказ большого начальника представлял собой одно предложение. Я начал вчитываться. Ничего не понятно! Слова рассыпаются, мысль не склеивается. Вынужден был позвонить и попросить уточнить, что он хотел сказать. Начальник секунду подумал и сказал: "Наша дзярэвня имеет бульбу, ихняя дзярэвня имеет хлеб. Прадлагаем удвоить багацтва метадам абмена. Січас ведутца перагаворы с жалезнадарожнікамі, гдзе вазніклі труднаці..." Начальник заговорил на врожденном языке. Использовал изначально данный ему инструмент для выражения мыслей — и я его понял! Ура тросянке!

Именно "трудности" не позволили казахам разжиться картошкой, а белорусам — пшеницей. Примитивный бартер на огромном расстоянии неэкономичен. Это было ясно с начала. У начальника не хватило слов, чтобы объяснить мне. А прежде — уяснить самому. Человек ДУМАЕТ СЛОВАМИ. За каждым словом — предмет, понятие, ассоциация. Чужим языком (русским) выстроить мысль сложно. Родной язык (тросянка) не обладает гибкостью, лишен РИТОРИЧЕСКИХ СВОЙСТВ, затрудняет и процесс мышления, и процесс говорения.

Русскоговорящий тросянокорожденный начальник как думает (тяжело!), так и говорит. Как говорит, так и делает (бездарно!). Пенек, если выразиться по-народному. О собственные пеньки Беларусь спотыкается на каждом шагу. Процесс можно наблюдать на селекторных телесовещаниях, которыми увлекается президент Лукашенко. Торчат по углам страны пеньки. То встречаются весну, то ждут жатву, то готовятся к зиме, то к дожинкам. Торчат себе, а самый большой — гаварыт, гаварыт, но цитировать его не буду, устал разбираться в словесных завалах, это все равно что идти по лесу после бурелома.

Ничего не изменилось с приходом в Беларусь новой власти, потому что она — от народа, от тросянки, от языкового мусора.

Тросянка — психологический фактор, способствующий замирению непритязательного народа и бесцветного начальства. У тросянкоговорящего

народа стали обычны загаженные, неприступные для иностранцев общественные туалеты. При троянкоговорящем начальстве главные бухгалтерши и секретарши — обязательно стервы.

Взаимообусловлено не только то, что эстетично, но и то, что мерзко. Антигармония — существует как параллельная реальность, как тонкий мир с толстым слоем грязи.

Пока белорусская атмосфера перенасыщена троянкой, ТУТ гроза не станет в полной мере очистительной, ливень — жизнотворящим, небо — голубым, трава — зеленой, женщина — прекрасной... Останавливаюсь в сомнении! Не много ли я требую от белоруса, привыкшего жить без идеального?

Не впервой я задаю себе эти тяжелые и неприятные вопросы.

Ответ следует из картинки, предельно понятной белорусу.

Стремительно расползаясь, Минск проглотил окрестные деревни. Иные сохранились среди облезлых панельных коробок кукарекующими островками. Столичные крестьяне держат коров, выпасая их в заброшенных садах, на пустырях и свалках.

Животные любят выходить на городские улицы, к остановкам общественного транспорта, где в мусорных урнах их ждет вкусный корм — банановые корки. Корова аппетитно жует банан и тут же, при обществе, шлепает на асфальт лепешку.

Белорус жадно жует русское слово и, не стыдясь, прилюдно переваривает его в троянку.

Пожалуйста, троянкоговорящий, прошу тебя: попробуй сделать хоть что-нибудь со своим языком, постарайся совершить над собой небольшое насилие, не плыви по течению, речка иссушается, мельчает...

1999-2010